

АНДЖЕЙ ЛАСКИ

СОЛДАТИКИ ГАУДИ

И ДРУГИЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ

0+

Анджей Ласки

**Солдатики Гауди и другие
невероятные истории**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ласки А.

Солдатики Гауди и другие невероятные истории / А. Ласки —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Сборник рассказов Анджея Ласки включает такие произведения как "Там тишина", "Солдатики Гауди", "Край лета", "Завтрак на Санторини" и другие... Для дизайна обложки используется фрагмент авторской мозаики Антонио Гауди

Содержание

Там тишина	6
Камни Сизифа	11
Лишь на время	14
Край лета	18
...и плыли облака	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Там тишина

Там тишина. Он стоял и думал, как же это забавно. Только что еще он слышал песни птиц, шелест прибрежных волн, свист ветра и вот, в одну секунду, все растаяло, исчезло. И теперь только тишина царила над миром.

Он развернулся и пошел вдоль берега. Его ноги ступали мягко, увязая в песке, словно в иле. «Тишина, как на дне морском,» – подумал он. Кем или чем он был теперь, сам не понимал. «А что если я...» – так невзначай мелькнуло у него в голове, и он сделал первый шаг в сторону. Потом еще и еще один. И вот уже волны бились у его ног. Он ступил на накатившую волну очень медленно и осторожно. Поднял вторую ногу и сделал шаг. Страх охватил его на мгновение, сменившись на сладкое, ни с чем не сравнимое чувство легкости. Он шел по волнам. Просто шел так, как ходят по земле. Его одежда билась на нем как раненая птица, пытаясь освободиться из капкана. Он расстегнул пуговицы на рубашке, раскинул руки и, если бы у него были крылья, он бы обязательно взлетел. Он хотел этого полета, он хотел этой высоты, чтобы можно было дотронуться до облаков рукой и поиграть с птицами в прятки. Ему было мало этих волн, по которым его кто-то вел; мало было этого воздуха, которым он дышал; мало было тишины, среди которой затерялись все звуки. Он хотел еще и еще. Он хотел новых знаний, тех что могут принести ему новые ощущения.

А волны, словно маленькие белые овечки разбегались в разные стороны из-под ног, пропуская его все дальше и дальше. Чайки парили над головой, дельфины выставили плавники из воды и радостно приветствовали его громкими криками, которых он не услышал.

Все осталось позади. Далекий берег, золотой песок, высокие деревья. Там тишина и здесь тишина. Все вокруг замерло и замолчало, даже ветер навсегда прекратил свой свист. Онемевшие серые камни молчаливо взирали в небо.

– Эге-ге-гей, – крикнул он, – кто-нибудь меня слышит?

– ...слышит... слышит... слышит... слышит... – вторило ему эхо. Оно пролетело над морем и растаяло в огромных гранитных скалах.

И лишь одинокий маяк подмигнул ему.

– Моя сила не в том, что я могу ходить по воде, моя сила в том, что я не такой как другие, – вдруг подумал он. – Да, да, не как другие. Мне, наконец, удалось выбраться из рамок понимания и осознания.

Он посмотрел на свое отражение.

– Я стал другим. Моя сила, моя свобода – я сам. Ничто меня не держит. Все чувства отошли на второй план. Каждый миг жизни – я сам. Я сам воплощаю всё в себе.

И опять тишина. Даже плеск волн у его ног затих, будто внимая его словам таким правильным, и таким непривычным.

– Я свободен от разума, боли, жалости. Но что-то Всеобъемлющее есть во мне. Оно ведет меня вперед.

Он почувствовал легкое движение у себя за спиной и обернулся. Ничего не изменилось – все тот же далекий берег, который уже почти скрылся за горизонтом, все те же остроносые скалы пронизывали облака насквозь и уходили своими вершинами в небо.

– Ты зашел слишком далеко, твоя вера зашла слишком далеко.

Внезапный порыв ветра оглушил и чуть не сбил его с ног. Он удержался, но все же почувствовал прикосновение холодной воды. Мурашки побежали по коже.

– Ты боишься? Чего? Твое тело есть не более чем пустая оболочка, внутри которой таится душа. Душа бессмертна. Одним движением воли ты можешь освободить ее, если захочешь.

Переход из одного состояния к другому – тогда ты сможешь получить больше знаний, познать что-то новое, наконец, познать смысл твоего пути.

– А как же Небеса?

– Небес нет. Нет Ада, нет Рая. К Небесам все стремятся, но никто не попадает туда.

Небеса – это совершенство, которое можно достичь только со временем. Все достигают.

– А потом?

– А потом Все начинается сначала.

– Зачем?

– Это Игра. Большая Игра. Неужели тебе это не интересно? С каждой новой игрой проигрываются новые ходы, достигаются новые цели.

Тишина шептала непонятные слова, на которые он не успевал придумывать вопросы.

– А если я хочу взлететь?

– Лети!

– Но как?

– Просто лети. Ведь ты же смог идти по воде...

Он поднял голову, раскинул руки, словно крылья, подпрыгнул и... остался стоять на водной глади.

– Ты сказала, что я могу лететь, но я не лечу.

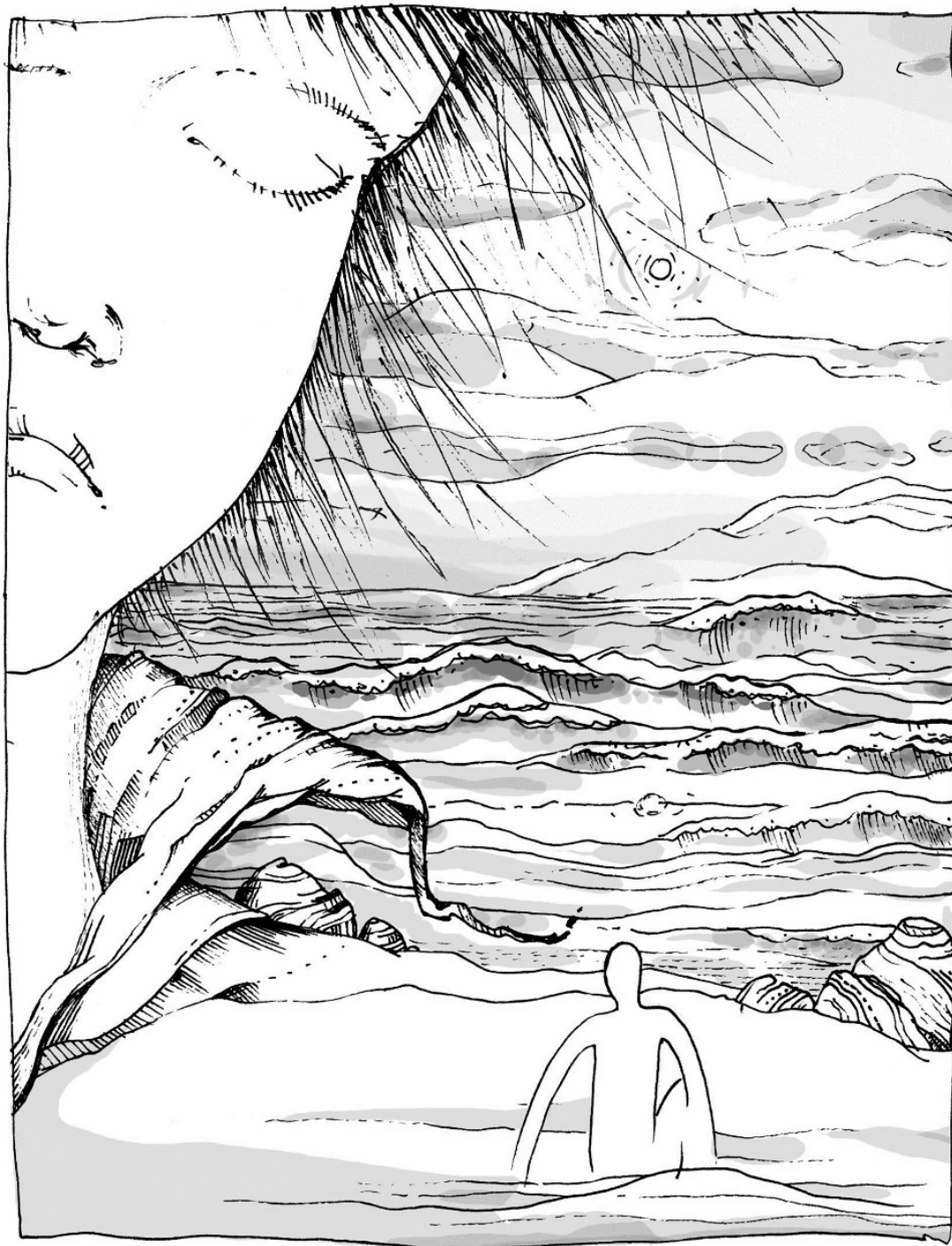
– Ты стремишься к совершенству, но еще не достиг его.

– Пустота. Ничего определенного.

– Как же я смогу ее достичь?

– Каждый определяет ее по-своему. Освободись ото всего, очисти себя полностью. Представь, твое тело – не более чем фантазия, твоя душа – не более, чем выдумка. Тебе всего лишь надо пересечь ту грань, за которой останутся все твои чувства. Это не трудно.

– Этот мир тоже выдумка и фантазия?

– Да, в мире нет ничего реального, все придумано раньше. Наслоение фантазий. Один придумал воду, другой – камни, третий – песок и скалы.

– Кто они?

– Другие.

Он замолчал на мгновение.

– А почему вокруг так тихо?

– Ты придумал эту тишину. Твоя фантазия – еще один слой.

– Скажи, кто придумал смерть?

– Смерти нет. Есть просто дорога. Длинная дорога. Никто не умирает и не рождается, просто существует. Просто со временем каждый сворачивает на свою тропинку.

- Где же конец дороги?
- Конец в самом начале.
- Постоянное движение без остановок.
- Да.

Он опустил голову.

– Твое «я» слишком много для тебя значит. Ты не можешь полностью от него освободиться. Твои представления о мире слишком велики.

– Я стараюсь.

– Знаю. Ты веришь в Зло, веришь в Добро. Но ты не должен разбрасываться по мелочам.

Каждая частичка твоего сознания должна выкинуть из себя все ненужное.

- Подожди, не так быстро.
- Что для тебя цель?
- Цель? Желание, мечта. Больше чем мечта.
- Что для тебя Бог?
- Сознание Силы. Большой Силы, чем есть на Земле. Нечто другое, неизвестное, затерявшееся в Веках.

– Ты веришь?

– Да.

– А если его нет?

– Есть.

– А что если бы не было?

– Был бы другой.

– Бог?

– Знание. Другое знание и другая вера. Вера во что-нибудь иное.

– Тебе так важно верить во что-либо? Неужели в тебе нет веры в самого себя?

– Я не представляю Силы.

– В каждом есть Сила.

– Но не в каждом есть святость.

– Она ни к чему. Ее всегда слишком превозносили. Ставили на первое место, не сумев как следует разобраться в сложных временных и Общих законах. Возвышали везде и всегда. Из нее возникла Сила, хотя может быть отдельно от человека она и не представляет ничего из себя. Но все в нее верят. Кладут на алтарь почести и раболепствуют.

– Но разве я могу от нее освободиться?

– Отрекись.

– Это Слово.

– Слово ничего не значит.

– Слово материально, так же как и Мысль.

– Отрекись от Слова.

– Во что тогда верить?

– Зачем?

Тишина уже не казалась ему такой приятной.

– Чтобы достичь совершенства.

Она замолчала. Ему показалось, что он победил ее.

– Тебе еще слишком рано летать. Ты многого не понимаешь. Ты часто упираешься в стену. Чтобы летать, надо разрушить все препятствия и преграды. В самом себе. Ты этого пока не можешь. Твоя поступь слишком тяжела для полета.

– После высоты будет что-то еще?

– Да.

– Что?

– Рано... рано... рано...

В споре он не заметил, как солнце село за горизонт, оставив в память о себе лишь розовый свет, окутанный облаками. Ветер усилился, и на волнах уже появились барашки. «Будет шторм, – подумал он. – Надо спешить обратно».

Он развернулся и, мягко наступая на волны, отправился к берегу.

– Ты не успеешь, – шепнула тишина напоследок.

– Должен.

– Освободись.

Незнакомый гул нарастал, он почувствовал боль во всем теле, тяжелую жгучую боль.

Все смешалось в яростном танце. Где была тишина, теперь царил хаос и беспредел. Море звуков неожиданно обрушилось на него. Он увидел себя сидящим на песке. Как будто картинка из кинофильма проецировалась на песок. Еще мгновение и он открыл глаза. Буря надвигалась.

«Завтра я смогу взлететь», – подумал он.

Камни Сизифа

Эти камни он помнил еще с детства. Огромные валуны всегда преграждали дорогу, не давая прохода. Родители говорили, что этим камням уже миллионы лет, что камни эти были свидетелями жизни динозавров. Но разве можно верить людям, которые на ночь рассказывают тебе сказки?

Помнил, как мальчишками, играя в прятки, они прятались среди этих камней. С утра и до самого вечера не смолкал шум звонких детских голосов.

Сегодня он вернулся в свой город через много лет.

Сколько воды утекло с тех пор, когда он в последний раз окинул прощальным взглядом свой дом, в котором родился и вырос; сад, скамейку под яблоней и фонтан посреди сада. А потом сел в автобус и уехал. Казалось, далеко и навсегда. Туда, где его никто не ждал. Не ждал, а он верил, что главное еще впереди, и надо просто найти точку опоры, своей опоры в этом мире и тогда все обязательно получится. В какой-то момент ему действительно казалось, что все начинает возвращаться на круги своя, и время постепенно замедляет скорость, как на детской карусели в городском парке.

Как свежи еще были эти воспоминания: «...сынок, счастье в жизни. Горе и беду можно пережить... ты будешь сильным и смелым...»

Разветвленные на множество граней, в которых отражается мир, наветы были забыты им и отброшены в мусорную кучу, как старый никому не нужный хлам.

Он непроизвольно задел нити памяти, которые отозвались в голове хрустальным звоном. И все это время они словно тяжелые валуны, тянули его обратно в давно забытый мир.

Теперь в его жизни уже все полностью зависело только от него самого. У него была квартира, любимая девушка, кошка любимой девушки, работа.

Но иногда, по ночам, ему снился один и тот же сон, в котором он видел свой дом, сад. Он видел это все и плакал. А когда просыпался на мокрой подушке, ругал себя на чем свет стоит. Ведь это он сам когда-то давным-давно сказал: «...теперь мне никто не нужен», и судьба предоставила ему крылья, на которых он смог улететь.

Подходящее время, подходящий момент: человеку свойственно потакать своим желаниям, даже если они идут не от сердца. Ему казалось, что очень просто вот так как он однажды выйти из дома, погасить свет, закрыть дверь на ключ, захлопнуть калитку и отправиться навстречу неизвестному. И не понимал он, что просто – уйти, труднее – вернуться и, наконец, признать себя побежденным, но не победителем.

В мире даже птенцам ведомо, что до тех пор, пока не выросли крылья, чудо полета невозможно. И не таков человек. Полет – слишком сладкое чувство свободы. Почувствовав его, он будет к нему стремиться всегда, он будет пытаться взлететь, и будет каждый раз падать, больно ударяясь о землю. Но однажды это все-таки получится (все к этому приходят, просто одни – раньше, другие – позже). Понимал и он. Крылья выросли такими большими, что стали мешать. Рядом не хватало Дедала¹.

А сон снился все чаще, превратившись в навязчивую идею. Нет, он не хотел, а может быть, просто не мог вернуться. Там его никто не ждал. Он порвал с прошлым одной фразой. Валуны превратились для него в стену, в навязчивую идею, которой разделялось прошлое и настоящее – эдакая граница времени. Они и теперь преграждали ему дорогу домой.

¹ Дедал – персонаж древнегреческой мифологии, придумал искусственные крылья для Икара, на которых тот взлетел к солнцу.

Он задумчиво стоял у калитки, потягивая сигарету.

Вот дом к которому всегда влекла невидимая сила, но что внутри? Внешность порой бывает обманчива и не всегда соответствует содержанию.

Огонек сигареты уже обжигал пальцы, но он этого словно не замечал. Большие серые валуны все также лежали на дороге и будто приветствовали его: «Здравствуй, Сизиф. Вот ты и вернулся. Мы ждали... очень долго. Хотя по сравнению с нашей твоя жизнь лишь маленькая песчинка времени в часах созерцания мира».

Он старался не смотреть по сторонам. Ему казалось, что сейчас все взгляды окружающих устремлены только на него, ни на что больше, и осуждают: теперь было всем понятно, что его полет не удался. Был лишь только взлет, а потом постоянное падение. Но он смог вовремя раскрыть крылья, вовремя начать маневрировать и плавно опуститься на землю. А потом, сколько бы он не отталкивался, не смог бы даже на самую малость подняться в воздух. Стар он стал, да и силы уже не те. Было стыдно смотреть в глаза тем, кто совершил свой полет, и замкнул его в круге времени.

Все происходит здесь и сейчас, словно «старая сказка на новый лад», которая вдруг становится такой актуальной. Не зря он вспомнил Дедала. Оперенье осыпалось как осенняя листва с деревьев, не успев как следует распушиться.

Слуги времени все подберут и применят в дело. Вернут прошлое и как в первый раз снова пустят в оборот. И можно снова будет увидеть зеркальное отражение тех далеких волн, что нежно пели ему тогда на берегу. И можно было бы сказать им на прощание хотя бы слово, а потом замолчать до конца дней своих. Они бы поняли. Поняли и простили. Но тогда это казалось ему глупым и он не сделал этого.

Он искал ответа в книгах, перерыл все библиотеки Города, и, кажется, уже нашел его, но тот постоянно выскальзывал, словно рыба из рук. Он искал новые номера телефонов в своей старой записной книжке, но не находил их.

Все прошло, все пропало.

Он остался совсем один на повороте времен. Сейчас было бы неразумным оставить все так как есть. Уж слишком это тяготило его сознание. Надо было срочно что-то менять. Менять в самом себе, потому что менять окружающий мир было бы неразумным.

Он вспомнил библейскую легенду о Сизифе, который из века в век пытался закатить на гору камень, но так и не смог этого никогда сделать. Слишком тяжела была его ноша.

Что стоило сейчас открыть эту калитку, услышать zapomнившийся с детства ее скрип, сделать шаг?..

Он, наконец, понял, что именно это угнетает его – сделать шаг. Так трудно. Сделать шаг от прошлого к будущему. Сделать шаг навстречу тем валунам, навстречу той стене, которая так долго сдерживала его по ту сторону. Это означало бы победу над самим собой. Это означало бы признать поражение.

Но так ли важно всегда побеждать? Ведь проигранные войны тоже всегда оставались вехой истории. Конечно, это не лучший способ прославить себя.

Всего лишь один шаг к прошлому...

Он в последний раз стряхнул пепел с сигареты. Потом осторожно, словно к дорогой семейной реликвии, прикоснулся пальцами к калитке и потянул ее на себя...

В это мгновение он совершенно точно понял и осознал, что пути обратно больше нет и не будет никогда. Стена разрушена.

– Привет, – он обращался к камням, словно к старым друзьям. – Вот я и вернулся... я вернулся, чтобы остаться здесь навсегда. Я расскажу вам много интересного. Я знаю, что я проиграл битву. Я это знаю. Во мне нет больше сил. Во мне больше нет желания и задора...

Ему показалось, что эти серые валуны, к которым была обращена его речь, внимательно слушают и даже улыбаются.

– Так слушайте...

Лишь на время

*Уходят ли цветы в царство смерти?
Мы живем или нет? На земле мы не
навсегда – лишь на время.*

Часы не спеша отсчитывали круг за кругом, напоминая о себе лишь негромким ходом стрелок. Время уснуло, забыв обо всем на свете. День начинал свою жизнь, ночь умирала в пламени восхода – первого восхода нового тысячелетия – распалаясь в его лучах, словно сгорая над пламенем свечи, обжигает свои нежные крылья бабочка.

С его приходом ничего не изменилось – та же трава, цветы, листья на деревьях – все так же, как и всегда, и осталось по-прежнему. И никто не услышал тишину, когда она мягко, на цыпочках, вошла и уютно расположившись на мягком ковре пока еще зеленой травы, стала молча наблюдать.

В разгар войны никто ничего не понял. Каждый воевал сам с собой и сам за себя, лишь краем уха ловя эту гнетущую тишину где-то внутри. Мысли разбивались о порог сознания. В них была только война, понятная людям, ничего больше. Та война, в которой было бы трудно победить и невозможно остановить. Где-то беззвучно трубили горны, взывая к битве; лошади вставали на дыбы, и падали замертво, сраженные меткой пулей врага, генералы; солдаты кричали «Ура!» и рвались в атаку. В этом смятении и страхе, в этом наваждении каждый пытался понять где же заканчивается иллюзия и начинается реальность. Каждый пытался отыскать эту чуть заметную человеческому глазу линию, тот край, за которым, наконец, будет закончена война.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... – бежали по кругу стрелки часов, не предаваясь земным утехам. Они с высоты взирали на новый мир и о чем-то шептались между собой.

– Тик-так, тик-так, – говорила одна.

– Тик-так, – вторила ей другая.

Их дело было лишь считать минуты, остальное – не столь важно. Они были здесь, они существовали, но лишь на Время, которое теперь замолчало и забыло о них.

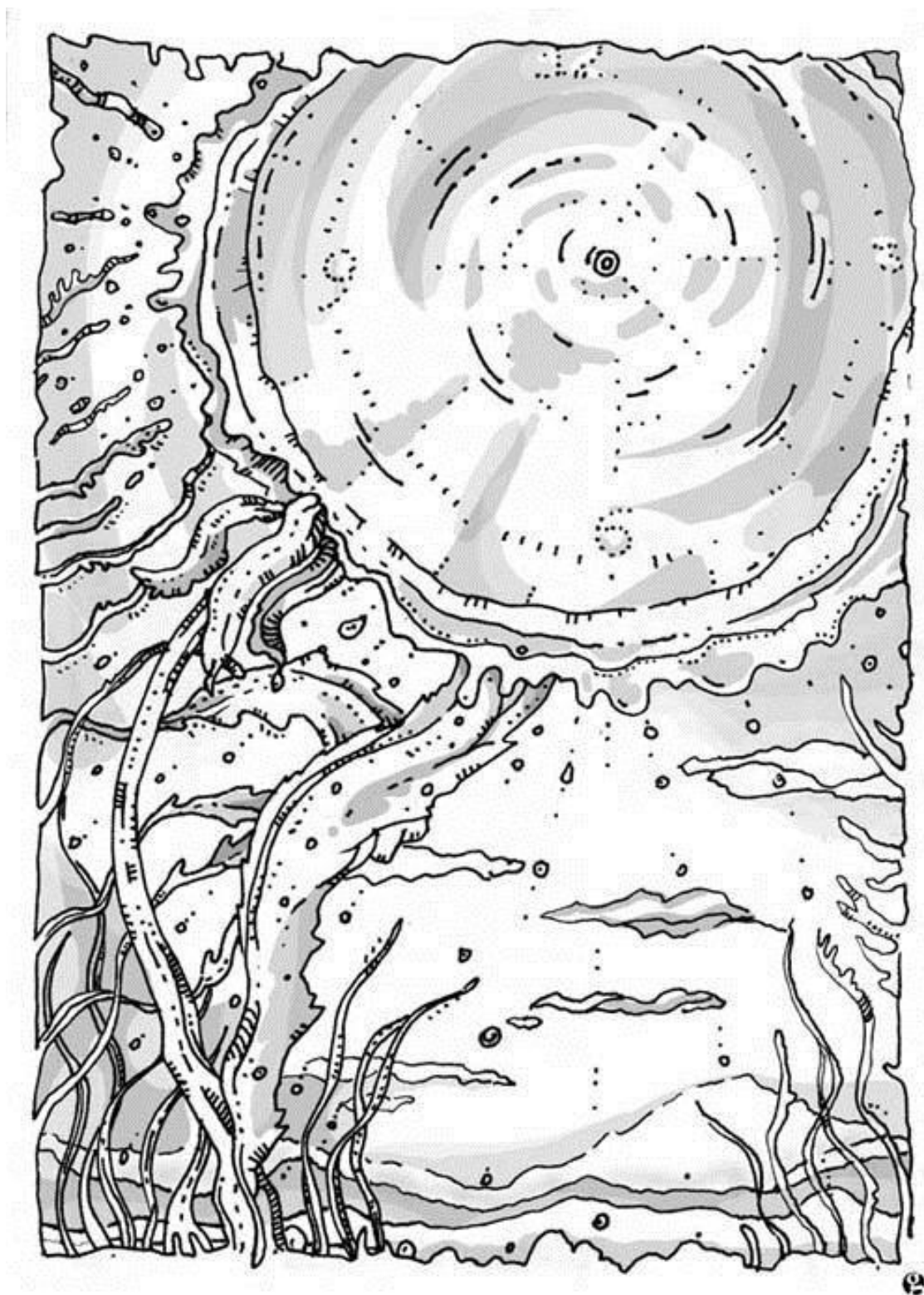
Как трудно сейчас было понять, что дальше не будет ничего, даже Времени, что напоминало о себе постоянной гонкой. Его ритм навсегда утаил в себе скрытую от чужих глаз тайну. Секунды летели, не спрашивая на то ни у кого разрешения. И никогда не было понятно, что несут они в себе. Такие маленькие они вдруг становились минутами, часами. Когда секунд было мало, никто не хотел замечать этого; когда становилось слишком много, их начинали бояться, ими начинали дорожить и старались сохранить как можно дольше, чувствуя непреодолимую силу.

В деревьях и цветах больше не стало той свежести и аромата, лишь только одно их существование. Они больше никогда не завянут, никогда не осыплется желтая листва с деревьев, и никогда не перестанут течь реки, омывая камни, лежащие на дне. Но уже никогда не будет той живой красоты и прелести, что дарили они долгими веками.

Мир без Времени остановился. Больше не надо никуда спешить, чтобы успеть. Не надо догонять, чтобы оказаться впереди. Не надо гнаться за мыслью, чтобы поймать ее – она появлялась сама, из ниоткуда и исчезала, тая во мраке.

Мир сошелся в одной точке Вселенной, закружил, закружил в нескончаемом потоке звезд. И миллиарды лет существования канули в небытие, будто и не было их.

– Тик-так, тик-так, – стрелки вели непринужденную беседу. В их разговоре так трудно разобрать слова, да и не нужны они были. Времени больше не было, как и глупых разговоров о нем.

Может завтра, может никогда, но возвращая прошлое, вспоминая былые огрехи, оно давало знать о себе тихим шелестом типографских страниц, сдувая пыль с толстых томов.

Книги, так же как и Время были вечны. Они не знали начала и конца, со временем становясь лишь мудрее, проникая в самую свою суть, а Время все больше и больше опутывало их своими корнями, чтобы стать чуточку продолжительнее. Ведь даже если жизнь – целая вечность, хочется сделать ее еще на миг длиннее. И пусть она пролетит в одну секунду, чтобы стать прошлым, будет и настоящее, и будущее.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... – стрелки замерли на месте, но продолжали свой отсчет. Идти вперед, не сдвигаясь с места ни на шаг, или назад, – не имело никакого значения. Лишь только их шепот стал гораздо громче, сбиваясь с назначенного в теперь уже далеком прошлом Временем темпа.

Там, где было вчера – настало завтра; восход обратился в закат, раскрасив небо огненным маревом пожарища. Не стало смысла играть по заученным правилам, если правила Игры перестали соблюдаться Мастером.

Убегающие вдаль огни больших городов превратились в маяки для одиноких иноков в белых рясах, что продолжали свое странное шествие. Они брели, не останавливаясь ни на миг. Их сознание было омрачено так внезапно наступившей тишиной. Они слышали, как останавлилось Время и спешили, чтобы успеть пробудить его ото сна. Они слухом жадно ловили каждый случайно оброненный звук. Им было давно все известно: в их Игре давно были просчитаны все ходы, и рассчитаны все верные варианты. Но они молчали, чтобы не оказаться в проигрыше.

Казалось, что сам Мир сбился с постоянного ритма – он будоражил и пугал. Он хранил в себе некую опасность, которую трудно разглядеть, но все внутренние чувства направлены на то, чтобы ее вовремя распознать. Вода в реках бурлила и закипала, не жалея угрюмых рыб. Птицы устремлялись в небо, чтобы потом, сложив крылья упасть и разбиться о землю.

Все стало с ног на голову.

Одна только тишина смотрела на это все и улыбалась уголком рта. Ведь вся эта канитель из-за нее, – так трудно остаться один на один с самим собой, да еще в полном вакууме сознания и окружения – все это стремительно давит к земле, не оставляя ни единого шанса на спасение.

«На земле мы лишь на время...» – эта напряженная и пронзительная мысль не дает покоя, не оставляя ни на секунду. Она давит и давит, превращая подсознание в механическую машину – постоянное движение без права на выбор сделать что-либо другое – утопичная форма Игры в идеальном мире: равные для всех условия без самого главного – возможности самому решать, куда двигаться дальше.

– Тик-так, тик-так, – стрелки в недоумении продолжали топтаться на месте. В этой тишине они потеряли себя. Кому нужен их ход, если времени больше не существует? Время стало лишь абстрактным понятием – простым словом, которое потеряло всякий смысл, скрывшись за стеной от ненужных вопрошающих взглядов.

И даже Мир замолчал. Казалось, он выжидает, словно пантера перед прыжком на жертву затаилась, и только и ждет удобного момента, чтобы вонзиться своими острыми зубами в мягкую, нежную, не успевшую остыть, плоть жертвы. Наступал момент Просветления.

Шаг за шагом, все ближе и ближе... все тише и тише...

В ритме биения миллионов сердец все так же улыбалась тишина, постепенно затмевая собой все небо, тянущееся до горизонта. Без устали, все выше и выше забиралась она по облакам, сладостно убаюкивая их.

– Тик-так, тик-так, – стрелки все так же шептались о чем-то в полумраке. Паузы между словами становились все длиннее и значительнее. Скоро они навсегда замолчат, поняв абсолютную бессмысленность своего существования. Но это будет позже...

А в небе, в его багряном пламени, над самыми крышами домов, таких серых и неприметных людским порокам, парили, сбиваясь в стаи, журавли. Лишь они нашли себе путь в

людских душах, лишь они стали их продолжением. Время никогда не значило для них ничего – они успели обогнать его, стать живой цепью между прошлым и будущим теперь, они улетали вдаль, не оставляя ни капли надежды на возврат к минувшему. Чтобы начать все сначала, чтобы узнать и увидеть, чтобы понять и простить тех, кто уже больше никогда не услышит их прощальный крик за краем горизонта... лишь на время, столь хрупкое и осторожное, чтобы можно было понять его... понять и вернуть...

– Тик-так, тик-так...

Край лета

Закат в конце лета всегда торжественно-печален. Яркий оранжевый шар садится за горизонт, чтобы на завтра взойти с другой стороны лета. И чувство, что все изменилось, а зима приблизилась еще на один день, становится все острее. От того одиночество в однокомнатной квартире, разделенное на двоих с пушистым серым котом, становится как никогда ощутимо. Горящие благовония медленно пускают свой бело-сизый дым, который лениво поднимается через этажи к небу до тех пор, пока не рассеивается в вечернем остывающем воздухе.

Если между сегодня и завтра разница всего лишь в пару часов, то между летом и осенью разница гораздо больше – ее не видно глазом и нельзя измерить. У этой грани слишком тонкие ощущения, она – словно паутина на пальцах рук – незаметно тает. Можно лишь суметь услышать, обнаружить, уловить и сохранить где-то внутри себя этот маленький кусочек летнего солнца. И уже почувствовать вдруг потянувший северным холодом ветер, разбудивший китайские колокольчики в глубине квартиры, и увидеть звезды в небе, чуть подернувшиеся туманной осенней дымкой.

На календаре был последний день августа – тот самый край лета, когда понимаешь, что завтра все будет по-другому. Совершенно по-другому. В город придет печальная, шумная грозами и моросящая холодным дождем, осень. Заполнит собой узкие улочки, кирпичные дома-колодцы, булыжные мостовые, нанизит тяжелые серые тучи на шпили башен и железные ветродуи, оросит отливающие чернотой автобаны и летящие по ним авто, опустошит юрмальское побережье от туристов и местных отдыхающих, ворвется в раскрытые домохозяйками окна гостиных и спален, задует бушующий в камине жаркий огонь. Впрочем, все это будет лишь завтра, а сегодня, сейчас, стоя на самом краю лета, кажется, что можно задержать его на несколько длинных секунд, сделать чуть дольше, чем он есть на самом деле. Стоит лишь закрыть глаза. Но видение это слишком обманчиво и обрывается так же внезапно, как и началось.

Упершись локтями в подоконник, я наблюдал закат. Рядом со мной, поджав под себя передние лапы, лежал Хеопс. Солнце все ниже и ниже склонялось к крышам высоток. Вдали под небосклоном, в вечернем зареве, пылала красным черепица на крышах старых домов, отливая в небо бликами случайных лучей. Небо над ними окрасилось в ярко-алый цвет, по которому медленно плыли розовые облака.

Замерев, и, прищурив свои большие зеленые глаза, не мигая, Хеопс следил за ускользающим за линию горизонта большим огненным шаром. И так до тех самых пор, пока верхний край его не скрылся за остроголовой башней многоэтажного дома. «Мрррр-мяууу», – то ли просто мяукнул, то ли выругался он вслед заходящему солнцу. И, поднявшись на задние лапы, мягко впрыгнул в комнату. Его пушистый хвост через мгновение скрылся за дверью. Я посмотрел ему вслед – кажется, он уже проводил свое лето. А я продолжал сидеть напротив окна, наблюдая, как постепенно догорает алое пламя в стеклах высотных домов.

Багряный закат погас нескоро, словно лето и само понимало, как сильно его будет не хватать долгие девять месяцев. Ведь сентябрь – это уже не лето, а май – еще не лето.

Когда совсем стемнело, я зажег в ночник – кухня наполнилась теплым желтым светом. Совсем не хотелось спать. Часы показывали окончание дня. А что в этом всем мне? – Мне оставались лишь последние несколько минут тающего за окном лета.

Где же вы, волшебники, исполняющие желания? Я так жду вас! Я бы загадал, чтобы лето никогда не заканчивалось. В моем желании оно тянулось бы вечно: после августа опять начинался июнь, летний год продолжался июлем, на смену которому опять приходил бы август и так день за днем, год за годом – новый календарь на смену привычному Григорианскому.

Я взглянул на часы – лето начало отсчет последней минуты своего присутствия в этом мире. И все же, может быть, вы где-то есть, волшебники? Может быть, вы все-таки исполняете самые сокровенные желания, и услышите меня?

– Лето-не-уйди, лето-не-уйди, лето-не-уйди, лето-не-уйди, – сначала про себя, потом вслух. Как будто моя милая считалочка могла хоть сколько изменить вечное положение вещей. А потом сквозь слова тихо вкралась тишина, и последняя секунда завершила отсчет последнего дня августа.

Тик-так.

В моем сне Хеопс играл с летним солнцем, как с мячиком. А мячик был живой – он катился по небосклону, прятался за легкие перистые облака, дразня кота, и не давая ему ухватиться лапами. Хеопс шипел, пыхтел и мяукал. Шерсть вздыбилась. Он вставал на все четыре лапы и выгибал спину – признак крайней злости. Начатая им игра уже не приносила того удовольствия. А солнце как будто было неумолимо – закатывалось в леса, балансировало на пиках гор, купалось в морях и вовсе не спешило попадаться в острые когти. А Хеопс продолжал гоняться за ним, от своей раздражительности становясь больше похожим на огромное пушистое облако. Вскоре он действительно им стал – рыжим облаком на голубом небосклоне и растворился вдали. На солнце появилось черное пятнышко носа и усы. Большим розовым языком оно лакало молоко из бегущего мимо ручья. Там было еще что-то, такое неуловимое, но теплое и нежное. Меня, как младенца, закутали в пуховое одеяло и убаюкали колыбельной. А потом наступила тьма.

Кажется, что осенью ничего не меняется. Во всяком случае, в первые дни. Обманчивое солнце продолжает греть своими лучами, но они уже не так сильно палят. По прибрежной полосе еще гуляют люди – они уже кутаются в плащи, спасаясь от прохладного северо-западного бриза, который портит прически. Лазурная рябь Рижского залива потеряла свой цвет и стала серой, ветер сдувает песок с пляжа и мелкие его осколки больно жалют ноги.

С течением времени свыкаешься с мыслью о том, что солнца становится все меньше, день короче, ночь длиннее. И разница во времени как-то уже сходит на «нет».

Себя уже не замечаешь в постоянном движении. Утро начинается с темноты и заканчивается темнотой. Все так, как будто и не было летних дней. Все погружается в дрему, серый медленный сплин, и остается таким надолго. Желтое холодное солнце в призрачной дымке нехотя катится по небосклону, разрывая цепь бесконечных облаков, и так и садится куда-то далеко, не успевая за день обозреть со своей высоты окрестности. Наступает царство осени – обычной, хмурой и продолжительной.

И если бы не кухонное окно, пожалуй, так и текла бы моя медленная, наполненная сначала опавшими листьями, потом выпавшим снегом и черной весенней землей жизнь вплоть до июньской жары. Все дело в нем.

Спустя сентябрь и половину октября я вдруг начал замечать столь неприметные с первого взгляда глазу изменения: когда в других окнах моей квартиры царила слякоть, осеннее буйство разноцветной листвы и шум веток под гнетом холодного ветра с залива, кухонное окно продолжало источать тягучую лень лета, зеленый ковер травы и не думал тускнеть, но, главное, что солнце все так же высоко катилось над горизонтом, не уставая светить, и темнело в этом окне гораздо позже, чем в других. Даже в начале ноября, когда улицы покрылись первым, чуть позже стаявшим, снегом, я наблюдал в нем колорит летних красок. А апельсиновое дерево, высаженное когда-то в рыхлую землю нашим странным соседом, впервые покрылось мелкими белыми цветами.

Если бы можно было приписать палящее за окном лето моему воображению, то я бы так и сделал. Но все было по-настоящему. И осталось так даже тогда, когда в город пришла зима.

Еще промозглый декабрь, сменившийся морозным январем; еще более морозный февраль, который, чувствуя вскоре окончание своих зимних прав, вел себя как полноценный хозяин: подо льдом был погребен не только Рижский залив, но и деревья и лавки на набережной. Все замерло в едином хрупком движении в ожидании весны.

По скользким улицам города, мелкими шажками, чтобы не упасть, сторбившись, опустив голову, подняв плечи и вжавшись как можно глубже в свои шубы, пальто и пуховики спешили туда-сюда прохожие. Как будто, и не было сейчас их здесь. Над Юрмалой вновь повисло всеобщее уныние, схлынувшее в дни Рождества, и вернувшееся вновь.

И все это время по вечерам я спешил домой. Приходил с улицы, закутавшись в полушубок в бахроме капюшона которого уже появились колкие морозные сосульки, и, скинув его в прихожей, почти бежал на кухню, распахивая свое летнее окно, чтобы квартира наполнилась теплым запахом остывающего города, все еще лазурных вод залива, раскачивающих ветвями тополей и вообще этой странной романтикой моего желания на краю лета.

Хеопс всегда встречал меня, уже лежа на подоконнике, нагретом лучами солнца, и вряд ли задавался вопросом, почему время остановилось в кухонном окне. Невдомек ему было, что всего этого могло бы и не быть.

Бело-сизый дым благовоний все так же медленно поднимался из кухонного окна сквозь этажи и балконы моей многоэтажки, растворяясь в остывающем воздухе, когда за стенами моей квартиры уже была зимняя влажная и оттого еще более тяжелая тьма. Даже предновогодняя суэта и после новогоднее затишье, обычно еще более усугублявшие одиночество на двоих с пушистым котом, в этот раз остались в стороне.

Конечно, если бы мое окно находилось несколько ниже, я бы даже вышел в палящий зной. Но на седьмой этаж моей высоты так никто и не построил лестницу из шумящего лета, и мне ничего не оставалось, лишь только принимать все как есть.

Я видел, как жил город, распахивающий свои теплые вечерние витрины, и как парил нагретый асфальт. Видел детей, играющих во дворе в «прыгалки» и «вышибалы», и их мамаш, зовущих из окон на ужин. Порой самые смелые стрекозы поднимались до моего окна и замирали на уровне моих глаз, жужжа полупрозрачными крыльями и разглядывая. Тогда Хеопс приоткрывал один глаз в поисках причины звука и, лениво поднимал лапу, выпуская когти.

Стремительное, как маленький вертолет, насекомое в этом случае пикировало вниз в поисках безопасности, ближе к зеленым листьям тополей.

И вся эта, более чем реальность, вкупе с необычностью происходящего оставляло ощущение полного объема этого иллюзорного мира. Что он не заканчивается за линией горизонта, а продолжает свое существование в вечно царящем лете.

И вместе с этим мне было приятно и радостно каждое мгновение ощущать себя в нем. Ведь я уже стал его частью – частью этого огромного, пускай и странного мира. Самое главное, что мне было понятно, какая несуществующая линия разделяла тот уютный призрачно-летний мир и реальный холод зимы и промозглой Юрмалы. Я принял это как очевидность – мое слишком простое желание, так необычно сбывшееся.

...и плыли облака

Не надо воспринимать все серьезно,
Может быть, завтра будет новый день.

Янции Петух

Сидя на берегу реки, он смотрел в прозрачную воду и думал. Над ним медленно, будто танцуя белый танец, проплывали облака. Он даже мог дотронуться до них рукой. Но он не хотел этого делать, ведь тогда бы он нарушил равновесие, некое равновесие чаши весов, существующее вне времени и законов природы. Ему доставляло большее удовольствие просто смотреть на них и представлять себя таким же мягким невесомым облачком, плывущим в голубом небе.

Он любил бывать один – именно в такие моменты можно понять, кто ты есть на самом деле. Сегодня – облако, завтра – дождь... теплый летний дождь, послезавтра – утренняя роса на лепестках только что проснувшихся цветов. Можно понять и почувствовать каждой частичкой своего сознания весь окружающий мир. И, рассыпаясь на миллионы частей разноцветной радугой брызг, наполнить собой все и вся.

«Если бы я был художником, – подумал он, – я бы нарисовал картину яркой палитрой красок. Так, чтобы даже спустя много-много лет, она оставалась такой, как и в первый миг ее создания...»

Она тихо подошла и присела рядом.

Он даже не взглянул на нее, сейчас его не было здесь. Он плыл по голубой лазури высоко-высоко в поднебесье вместе с облаками.

Она знала о его слабостях гораздо больше, чем он сам – нельзя было нарушать полета фантазии. Она просто молча пыталась уловить движение его мыслей и слиться с ними воедино.

Иногда бывает очень трудно думать даже за того, кого очень хорошо знаешь. Но она знала. Знала его всегда. С тех самых пор когда они были цветами и росли рядом в такой же тишине и безмолвии.

Выждав с минуту, нежно шепнула ему:

– Здравствуй...

– Здравствуй.

– Ты печален сегодня?

– Отчего же? Напротив.

Она представила спасительный свет далеких огней за горизонтом.

– Ты...

– Тс-ссс... Тише, прошу тебя.

Он прижал свой указательный палец к ее губам.

– Ты слышишь... музыку?

Медленно повернув голову, она посмотрела в его глаза, глубокие и бездонные. И только сейчас она ясно различила, нет, не музыку, отдельные нотки. Они, словно китайские колокольчики, нежно звенели на ветру в кронах деревьев.

– Да, слышу.

– Это поет лес.

– Я знаю. Все как тогда: ты и я, те же облака, река...

– ... мы были цветами...

– ...и над нами распустилась радуга...

Он промолчал, выдержал паузу.

– Сегодня я был облаком.

– Да... ты плыл по небу, а солнце нежно ласкало тебя своими лучами.

– А знаешь, я видел тебя. Над тобой склонились деревья, и река омывала твои ноги журчащей прохладой...

– ...ты превратился в фантазию, в мимолетный сон. – Она улыбнулась.

Он взял ее руку в свою, их пальцы переплелись. Теперь они были единым целым – слаженный организм из двух сердец, которые бились в такт друг другу, не отставая ни на секунду. Он стал ее продолжением, она – его.

– Мы всегда будем вместе...

– Ты знаешь об этом лучше меня.

– Мы всегда были, и будем вместе, даже тогда, когда все вокруг умрет и превратится в тлен...

– Да.

– ...эта трава, лес. Это небо над нами...

– ...и ветер, и это лето...

– ...которое мы будем помнить...

– ...ничто не проходит бесследно, в какой-то миг мы сейчас здесь, а спустя секунду уже по другую сторону времени. Ты ведь знаешь... конечно, ты знаешь, что «вчера» – это всего лишь название, которое выдумали люди. И оно для нас ничего не значит. – Она сломала сухую травинку и кинула ее в реку. – Смотри, вода унесет ее отсюда, а когда придут дожди и осенние грозы, и мы будем сидеть у теплого камина с чашкой горячего шоколада, ты вновь вспомнишь ее и это будет нам знаком.

– Знаком? – он отрешенно внимал ее словам.

– Да, знаком. Об этом не говорят вслух, но мечтают и желают иметь в перечне необходимых вещей. – Она положила голову ему на плечо.

Музыка усилилась, и теперь она уже отчетливо различала этот хрустальный звон.

– Ты слышишь, музыка стала громче.

Он ничего не ответил и лишь еще сильнее прижал ее к себе.

«Нет слов, которые могли бы объяснить то многое, что не дано понять. Читать между строк и наслаждаться этим. Молча ждать, смотреть и видеть, чувствовать, как проносятся мимо стаи птиц. Уловить их тихий, почти незаметный для слуха крик, тающий на склонах снежных гор и в далеких цветущих долинах за рекой. Остановить время так, чтобы не нарушить его сумасшедшего движения, разделяющего предметы в пространстве. И в то мгновение, когда стрелки стремительно перемалывают тишину, посмотреть в глаза, проникнуть в самую

их суть, искупаться в черных озерах и прочь, прочь навеки, навсегда, чтобы никогда не вернуться обратно. Быть облаком, быть солнцем, чем угодно гораздо проще, чем понять их данность».

– Лес дарит нам эту музыку, он пытается что-то сказать, нечто важное – то, что другие услышать не в силах.

– ...все живое вокруг.

– Стоит только внимательней приглядеться к самым обыкновенным вещам. – Он наклонился и зачерпнул в горсть воды, – даже река хочет обратить на себя внимание.

Она опустила взгляд – солнечные блики, словно маленькие солнечные зайчики, играли на лазурной глади в салочки, то догоняя друг друга, то опять разбегаясь в разные стороны.

Река – дышала. Ее дыхание, теплое и размеренное, медленно поднималось над водой легкой полупрозрачной дымкой. На самом дне ее маленькие золотые рыбки, чьи бока блестели на солнце ровно зеркала, затаились среди камешков, чтобы, казалось, прислушиваясь к их разговору, понять самую суть неторопливой размеренной беседы.

– Все живое вокруг... вот что это значит. И тебе не дано подслушать их мысли. Ты можешь слышать только движение, ничего больше. Ты можешь услышать, уловить их неповторимый шепот, шорох, – она на мгновение замолчала.

Музыка своим хрустальным звоном уже касалась каждой травинки, каждого листочка на ветках деревьев, она заползала в каждую ложбинку, пряталась в каждой трещине, с каждой секундой становясь все ближе и ближе.

– Ты слышишь?

– Она уже здесь.

Казалось, все вокруг затаилось и вслушивается в эти хрустальные звонкие нотки, которые несли в себе солнечный свет далеких полей, шелестящий шум прибоя, сладковатый запах созревающих колосьев пшеницы, крики перелетных стай. Музыка кружила и звала танцевать, пела разными голосами. Она забирала с собой все то, что так отягощало и навевало скуку, то, что делало окружающий мир унылым и серым, очищая душу. Она манила за собой в далекие, неведомые человеческому глазу дали.

Сначала тихая и нежная, музыка становилась все громче и громче, словно прорывалась через стену тишины, чтобы затмить ее своим присутствием. И вот, несмолкающий звук литавр уже оглашал окрестности непрерывным боем. Хрустальные колокольчики превратились в громогласные колокола, звоном срывая с веток листву, пригибая траву к самой земле. Музыка будто выставляла себя напоказ: то в ее мелодии слышались чуть заметные нотки грусти, то сразу она переходила на трубный, заунывный стон, после чего неожиданно смолкала на секунду, и все начиналось заново. В этом шуме и гаме, стоило лишь чуть-чуть прикрыть глаза, можно было услышать бесконечность, ее пространственный тревожащий голос. Он разливался над лесом, над далекими полями и долинами, привнося в этот необузданный ритм свой, не похожий ни на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.